АВГУСТ 1927 г. № 33 ЦЕНА 15 КОП.

ТИХИЙ УЖАС

Рис. Ив. Малютина

„По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел...“

ТРУДНАЯ РАБОТА

Последний номер юмористического и сатирического журнала „Красный Слон“ получился в субботу.

В читальне, как всегда, несмотря на предпраздничный день, было много народу, и на „Красный Слон“ набросилось сразу несколько человек. Номер читали скопом и густо смеялись.

— Ишь, как здорово кооперацию прохватили, чисто вроде как наш Кузьмич из многолавки № 25 нарисован... Ха-ха-ха!

— Сеня, про хулиганов тут — смотри, финка у него какая зверская. Здорово, черти, рисуют, прямо со смеху лопнуть можно! Хи-хи-хи!

— Товарищи, тише, тут игра слов очень остроумная напечатана. Слушайте, я вслух прочту: „Ну, как у вас со спец-одеждой?..— Да этого у нас и в заводе нет“.

— Хо-хо-хо, прямо не в бровь, а в глаз! Надо Митьке Звереву из охраны труда прочесть — пусть знает, как его пропечатали.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Потом читали вслух рассказы. Фельетон о Чемберлене, приглашающем Бриана Балканы замуссолинить, вызвал припадок долго несмолкавшего хохота. Смеялись и над волокитчиком, который сам себе заявление подал и сам себя завтра зайти попросил, и над хулиганом, который в клубной работе вредит, над завом, устроившим своего сына акушеркой к себе в учреждение, и долго еще переходил из рук в руки „Красный Слон“. Расходясь, говорили друг другу, улыбаясь и с завистью:

— Веселый народ эти юмористы, язви их, легкие люди. Надо будет обязательно завтра нашему месткому про кумовство показать — прямо будто с него написано, — вот смеху-то будет!

— А директору про фабзайчат. Нахохочемся!

* * *

В тот же день в юмористическом журнале „Красный Слон“ было редакционное заседание. Редактор нервно бегал по комнате и говорил:

— Нельзя так, дорогие товарищи, сами поймите, так нельзя работать! Я вчера весь материал просмотрел — жуть берет! Не смешно это, совсем не смешно; даже легкой улыбки не вызывает. Вот вы, Табарский, опять фельетон о волоките притащили — разве можно? Голубчик, ведь это же оскомину набило, ведь читателя уже тошнит от волокиты!

Редактор схватил еще одну рукопись.

— А ваши стихи, товарищ Курякин? Разве это сатира, разве это юмор? Вы пишете о выдвиженцах, которых затирают где-то там в Перми. Неужели нельзя что-нибудь посвежее, посмешнее, поостроумнее придумать? Ведь у нас же сатирический журнал, а не „Справочник путей сообщения за 1853 г.“!

Редактор замолчал и нервно пробежался по комнате. Затем сел и сказал:

— Ну-с, приступим к составлению следующего номера. У кого есть предложения?.

— Я нашел заметку в сегодняшней газете — робко сказал один из сотрудников, — вятские кооперативы весной снизили цены на валенки на 3%, а частники — на 40—50%. Можно нарисовать...

— Было,—прервал художник, зевая,— в прошлом году было. Еще такая большая галоша нарисована и подпись „галоша, в которую сели с валенками“, или что-то в этом роде.

— Я предлагаю Чемберлена нарисовать. Во фраке около Китая стоит и подпись сделать, что народная армия научит его китайской грамоте.

— И про китайскую грамоту было. Вот он у меня где ваш Чемберлен сидит, вот что!— сказал с кислой гримасой редактор.

— Может, о снижении цен сострить? Вот тут статья есть о том, что кооперация цен не снижает. Нарисовать бы кооперацию, как она цены вздувает, и подпись, что ее бы самое вздуть надо. Или вот еще про кино можно, что растратчики и бесхозяйственность.

— Очень смешно,— горько усмехнувшись, сказал редактор—здорово смешно. Прямо плакать хочется. Вы бы еще о фининспекторе написали или, например, об алиментах — тоже новенькая темка! Нет, другое нам нужно, что-нибудь свеженькое, оригинальное, чтоб действительно и остроумно и зло было... Неужели же в нашей действительности не находится этих самых язв, которые можно было бы выжечь этим самым... как его... здоровым смехом. Мало ли хороших тем есть? Вот хоть сегодня — в газете пишут, что ночные горшки привезли крестьянам.

— Были ночные горшки,— деликатно заметил секретарь,— пять раз были.

— Ну, тогда давайте о качестве. Понимаете, цены снижают, зато качество...

— В прошлом номере было, — уныло заметил один из сотрудников — три расссказа, два рисунка и стихи о качестве. Еще „Качание качества“ назывались.

* * *

Редактор замолчал. Молчали и сотрудники и долго длилось это молчание.

Они думали о бюрократизме, о растратах, о хулиганстве, о ликвидации неграмотности, о трехполье и тому подобных веселых вещах, но на их лицах почему-то не было улыбки и дружный хохот не потрясал стен редакции юмористического журнала „Красный Слон“.

Г. СТЕФФЕН

На следующей неделе, в пятницу, вышел номер „Красного Слона“. В субботу номер читали скопом и густо смеялись:

— Ишь, как здорово кооперацию прохватили (смотри начало)...

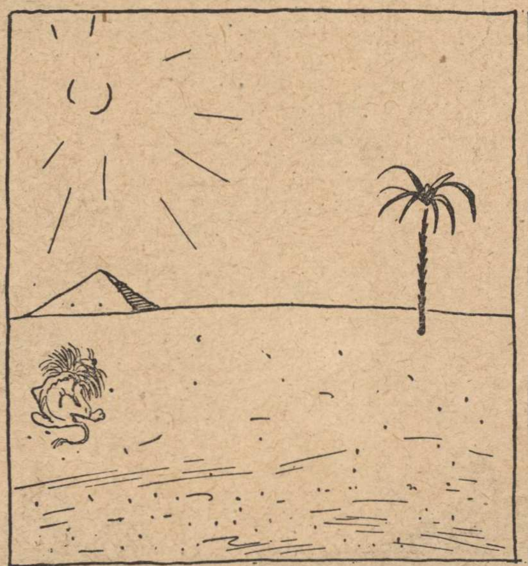
* * *

Ох, и трудная же наша работа, дорогой читатель! Прямо будем говорить — очень тяжелая работка у нас! И не очень веселая к тому же...

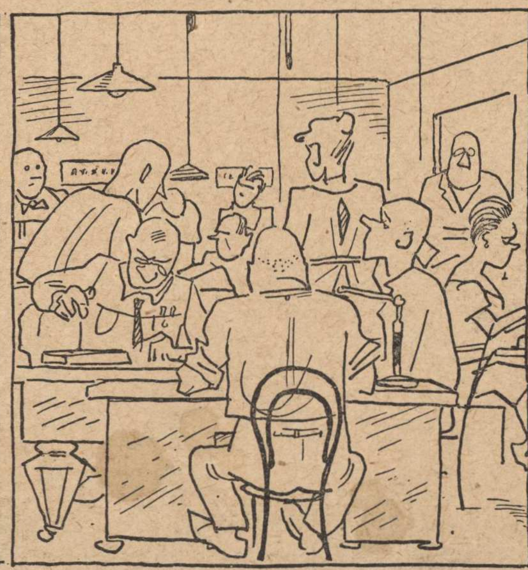
Г. СТ.

ЕСТЬ РАЗНИЦА, НО НЕТ РОЗНИЦЫ

Рис. Н. Радлова

В Сахаре много песку и совершенно нет людей...

А в Сахаротресте людей множество, но совершенно нет песку.

ТО и СЕ

ВЫБОРЫ

— Слышал? В Вене полиция коммунистов выбирает.

— Бре...?!!

— Ей-бо... Выберет из рабочих всех коммунистов и — в тюрьму!

„ОРАТОР“

— Ну, и народ несознательный! Не дали мне даже одного слова сказать — разошлись.

— Какое-же это слово?

— Вступительное трехчасовое...

ПИВНАЯ С ПРОГРАММОЙ

Рис. К. Рудакова

— Оффициант, какой у вас сегодня тяжелый воздух!
— А это, не извольте беспокоиться, от эстрады малость плесенью отдает!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ПОГУБИЛ

„Экзаменующиеся обнаружили плохие знания, главным образом—по русскому языку.

Из газет.

Кто бы мог подумать, что великий писатель земли русской, великий проповедник непротивления злу, великий отшельник, великий покойник и вообще великий человек Лев Толстой,— кто бы мог подумать, что он причинит столько зла Доле Митюрникову? Конечно, никто бы не подумал. А между тем зло было причинено Доле Митюрникову и именно Львом Толстым.

Сам Доля Митюрников, окончивший в этом году „девятилетку“ с отличием по русскому языку, бывший редактор всех школьных журналов и мечтающий по окончании ВУЗ'а сделаться критиком, рассказал мне о вышеприведенном случае так:

— О том, что в ВУЗ'ах „режут“, мы знаем все,— рассказывал Доля Митюрников.—Жестоко „резали“ на экзаменах. Одного, например, из экзаменующихся спросили: „Кто такой был Фурье?“ Вы понимаете, какой вопрос? Хотел бы я видеть человека, который знал бы, кто такой Фурье. Вы, например, знаете?

— Я? Фурье... Отчего же... Был такой действительно... Родился в восемнадцатом веке... До того увлекался фурьеризмом...

— Ну вот, случайно знаете, а я двадцать студентов спрашивал о Фурье, никто не знал. Один говорит: Всеволод Иванов. Другой: Пантелеймон Романов. Третий: настоящая фамилия Веры Инбер. Пятерых пионеров спрашивал. И они не знали.

Я согласился:

— Раз пионеры не знали, то, действительно куда дальше?.. Трудный вопрос.

— Вот видите...

Доля Митюрников победоносно посмотрел на меня и продолжал:

— Мне, однако, повезло. Вхожу. Экзаменует такой почтенный человек. Лицо ласковое. Ну, да знаю: у самой ядовитой змеи самые ласковые глаза. Жду. А он ласково, ласково: „Скажите... Вот, что бы вы могли сказать про народ в сочинениях Толстого? Скажем, например, по роману „Война и Мир“. По правде говоря, обрадовался я бесконечно. Толстой? Да я самого Монахова в роли Распутина видал! „Азефа“ смотрел. А романы его во как знаю. Я и начал: „Толстой, настоящая фамилия которого Щеголев...“

Доля Митюрников остановился, чтобы перевести дух и может быть и для того, чтобы справиться с нахлынувшими на него неприятными воспоминаниями.

— Что же дальше было?— спросил я заинтересованный.

— Что дальше было...

Экзаменующий стал смотреть на меня каким-то странным взглядом. Ну, думаю я себе, меня этим странным взглядом не смутишь. Раз я знаю предмет...

И я начал:

— Народ, говорю, по Толстому отличается необычайной физической силой. Митька, истинный народный богатырь, плечом высаживал железную дверь, за которой томился несправедливо посаженный туда князь Серебряный...

Тут меня прервали...

— Кто прервал?

— Экзаменатор, конечно...

— Не имел права,— сказал я,— вы...

Доля Митюрников обрадовался моим словам.

— Вот, и вы находите... Все мои товарищи тоже это находили. А он мне говорит: „Милый! Вы спутали. Я о „Войне и Мире“ Льва Толстого, а вы мне из „Князя Серебряного“ Алексея Толстого.

— Что же вы?

— Я с достоинством ему ответил, что Толстой один. Один на весь мир. Что это подвох, я понимаю: он хочет испытать меня. Но это напрасно. Много Толстых не бывает. Что же касается „Князя Серебряного“, то это и есть „Война и Мир“, потому что там все время говорится о войнах и мире, которые вел и заключал Иоанн Грозный.

— Что же он?

— Он-то? Покраснел... Ничего не сказал, а только сказал, чтобы пришел через год.. Справедливо это? Как по вашему?

Я сказал, что несправедливо, хотя Толстых, действительно, трое...

— Ну, уж и трое!— сказал Доля Митюрников недоверчиво:— еще больше скажете: целый исполком...

Я не стал спорить.

Так Толстой,— великий писатель, великий покойник и самый великий Великий погубил Долю Митюрникова.

А что, кажется, стоило ему написать „Заговор императрицы“ или даже „Князя Серебряного“?

О. Л. Д'ОР

ДЕЛА И МИНЫ

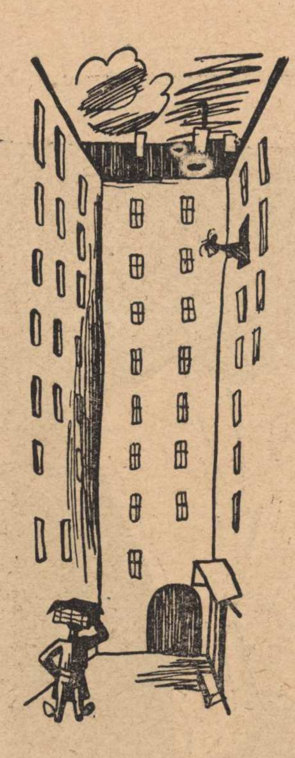
Рис. Ю. Ганфа

ДРУЖЕСТВЕННОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ МИНинделов.

ИТАК, НАЧИНАЕТСЯ УТРО...

Рисунки Б. Малаховского

Я живу в большом восьмиэтажном доме, три корпуса которого образуют, смыкаясь, глубокий, темный и гулкий колодец цементного двора; каждый звук внизу имеет громовой характер, и когда во дворе стреляют из детского пугача, в комнате кажется, что это разорвался артиллерийский снаряд.

Ровно в шесть внизу раздается первый зловещий крик:

— Раки! Свежие раки!

Человек, который приносит раков, кричит таким душераздирающим голосом, точно ему вколачивают горячие гвозди в пятки. По этому крику я проверяю часы. Ровно шесть. Ни минуты больше, ни минуты меньше. Он точен, как сибирский экспресс, этот мучитель; вероятно, рационализовав свое темное дело, он обходит дворы по строжайшему расписанию.

Из окна седьмого этажа высовывается чья-то взлохмаченная, заспанная голова.

— А петрушки нету?

— Петрушки у нас нету, дамочка,— говорит мучитель:—мы петрушкой не занимаемся. Раков не желаете свеженьких?

— А почем?

— Да ведь какой рак: и рупь и полтора.

— Дорожают! — неопределенно говорит голова, зевает равнодушно и начинает чесать в волосах.

Человек внизу замечает убежденно, что по нынешнем временам раку дешеветь нельзя: время скучное, рак пошел неинтересный, не играет, не женится, все больше под камешками спит, прохвост, ни в какую сетку не идет.

— Не идет?—неизвестно почему изумляется голова.

— Никак. Так возьмете пяток? Вот я усатеньких отберу...

— Нет, мне раков не нужно, мне петрушки нужно,— говорит голова и оглушительно хлопает окном.

Прокричав еще дважды, человек уходит, наконец, неся корзину на голове. Не знаю, зачем он ходит в наш двор: ни разу никто не купил здесь у него даже пары раков. Очевидно, он педант и ходит исключительно для того, чтобы не менять рейсов и расписания.

Пока они разговаривают с дульцинеей из седьмого этажа, которой нужна петрушка, я выкуриваю папиросу, с головой укрываюсь одеялом и снова пытаюсь уснуть. Прерванный сон возвращается с трудом: голову охватывает постепенно тупая, ноющая боль.

— Уголь над-да?.. Уголь, уголь, дешевый уголь!

Угольщик, который приезжает по средам и пятницам имеет странное обыкновение. Прокричав минуты три и не встретив никакого отклика в черствых душах населяющих этот дом людей, он неизменно стучит кнутовищем в третье от парадного полуподвальное окно

— Уголь надо? — спрашивает он озабоченно, когда там распахивают, отдернув занавес, форточку.

— Послушайте! — сдавленным от бешенства голосом говорит в форточку мужчина, и видно, что он неодет и прикрывает занавеской наготу:— почему вы стучите каждую среду в одно и то же окно?

— А куда ж мне стучать? — обиженно и недоумевающе спрашивает угольщик.

— Куда хотите, стучите, в тринадцатый номер, к черту в ступу стучите, но вам же сказано раз и навсегда, что нам не надо угля! Вы пугаете детей, понимаете вы, глупый человек? Это хулиганство наконец!

— Пужливые какие! — бормочет угольщик, отходя: — что ж я, леший, что ли, чтоб меня пужаться? Сами фулиганы, мать честная, какой беспокойный народ...

— Не смей стучать, не смей, дьявол чумазый! — исступленно кричит мужчина и подхватывает рукой падающие полосатые кальсоны: — я тебе, ей богу, морду набью, если еще постучишь!..

Сверху кто-то разбуженный тоже говорит раздраженно, стукнув окном:

— Прекратите скандал, весь дом разбудили, безобразие какое! А вы, гражданин из подвала, не оскорбляйте его: угольщик тоже человек.

Мужчина дергается, как ужаленный, и до пояса высовывается в большую квадратную фортку.

— И вы хотите сказать,—с убийственной язвительностью говорит он, — что у черного угольщика тоже может быть чистая душа? Пошляк! Ничтожество!

И, спрыгнув, стремительно опускает занавеску на окне. Вверху бранятся. Угольщик, бормоча что то и скорбно качая головой, выходит на улицу, где стоит его черный воз: лошаденка у него маленькая, хромая, с лысинами на боках, точно кто-то выщипал у нее в этих местах клочки шерсти.

Минут через десять приходит зеленщик. Он молодой, щеголеватый парень, носит белый фартук и кожаные нарукавники до локтей; прислуги всех восьми этажей сходят по нем с ума и вдвое платят ему поэтому за укроп и сель-дерей. Он торгует бойко, с шутками и прибаутками, и покрикивает звонко, так, что легонько дребезжат стекла в окнах:

— Мор-ковь любительская! Капуста, капуста! Дамочки, кого на капусту тянет?

Уходя, он сталкивается в воротах с паяльщиком. Паяльщик тихий и скромный человек и я люблю его, потому что он не кричит бесцеремонно, как другие, и не терроризирует дом, а уныло бубнит густым речитативом:

— Паять, чинить, латать, старые ведра покупаем!

Он честнейший малый, неисправимый скептик и страдает очевидным неверием в дело, которому посвятил свою жизнь. Когда ему выносят какую-нибудь кастрюлю, или примус, или ведро—он говорит неизменно, повертев вещь в руках и щелкнув по ней пальцем:

— Эту кастрюлю починить нельзя, она гиблая, я ваших денег жалею.

И сейчас же уходит поспешно, точно боясь, что его заставят все-таки чинить и взять деньги, которых ему жаль. Если в других дворах он поступает также, то не знаю, как существует, за счет Пушкина, его семья.

Потом привозят картошку: возит ее черниговец, неизвестно каким образом очутившийся в подмосковных местах. Он располагается во дворе

так, как-будто приехал на ярмарку в какой-нибудь Седнев или Миргород,—отпускает подпругу лошади и кладет ей сена, томительно долго громыхает жестяными мерками, что-то пересыпает и укладывает на возу—и кричит, кричит, кричит...

Заснуть я уже не пытаюсь: другие дремлют, заткнув уши ватой, но у меня от этого начинается звон в голове.

В семь раздается первый оглушительный звонок у дверей: пришла молочница и принесла резаных кур. Кто то свидетельствует кур под дверьми и находит, что это, напротив, петухи; завязывается длинный и тягучий спор Молочницу попрекают молоком, которое свернулось вчера, едва его поставили кипятить; молочница говорит, что это первый случай за тридцать лет ее безупречной деятельности И она и торговка курами тоже почему-то ссылаются на то, что „теперь не такое время"...

Звонки после этого идут один за другим уже почти непрерывно: приносят моченые яблоки, творог, ярославские кружева, мед, носки домашней вязки и паюсную икру Откуда, почему икра?

Во дворе точильщик правит, скребя по камню, ножи от мясорубки. Звук этот невыносим, как острая зубная боль.

Потом что-то ухает неожиданно внизу, как лопнувшая автомобильная шина — раз, два... Это начали выколачивать в „садике" пыль из ковров.

Прокричал бондарь, принесли рыбу, остановилась в воротах бочка нефтесиндиката, и к ней строится шумная очередь с бутылками и бидонами.

Голова болит все больше и наливается свинцом: как я буду работать? Программа ведь только началась, это ее коммерческая, прозаическая часть. С одиннадцати торговля уступит место святому чистому искусству: шарманщики, певцы, танцоры, акробаты, гармонисты, балалаечники, дрессированный медведь, попугай со счастьем... господи!

— Вещи, старые вещи! Бер-рем! Паим! Пришел первый старьевщик: теперь они пойдут друг за другом десятками. В наш двор их приходит по тридцати человек в час.

Надо вставать...

А. ЗОРИЧ

НЕЧТО АВГУСТЕЙШЕЕ

Рис. Бор. Ефимова

Новому румынскому королю Михаилу — шесть лет.

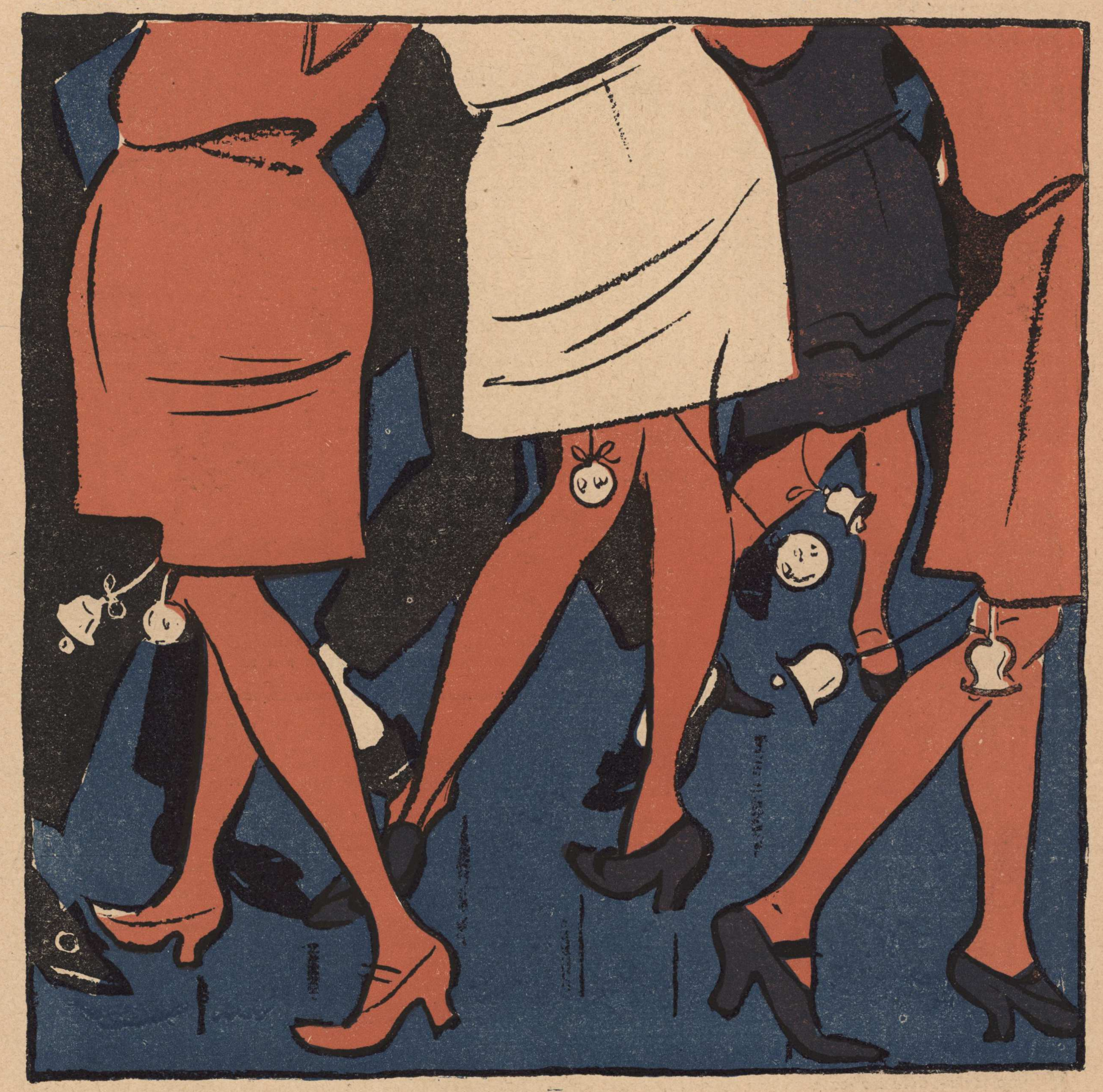

— Не извольте конфузиться, ваше величество. Ваш августейший папаша нагадили больше...

„СЛЫШЕН ЗВОН БУБЕНЦОВ ИЗДАЛЕКА...“

Рис. Н. Радлова

За границей дамы прицепляют к подвязкам бубенчики. Во время танцев они аккомпанируют музыке. *Из газет.*

Женское движение у них...

БЛОК-НОТ

Археологи, найдя древние письмена, умело определяют детали тогдашнего быта. Но они, увы, никогда не заглядывают в современные записи. Желая определить умозаключение археолога, который через две тысячи лет найдет блок-нот совголовотяпа, я привожу здесь кой-какие выдержки из этого блок-нота:

◆ Сегодня решил убить в корне канцелярщину. Приказал снять у Ремингтонов половину клавиш, завел тетрадь расхода чернил и об'явил конкурс на „первого волокитчика“.

◆ Заметив, что служащие злоупотребляют частым хождением в уборные (подсобный прогул), решил провести три дня в этой области для изобличения виновных. Результаты оформил докладом с кривой посещаемости.

◆ Был в театре. Позор Реперткому! На сцене ротмистры и белогвардейцы. Опера носит клубно-растратное название „Пиковая дама“. Действие возле пл. Урицкого называется по старому „у Зимней канавки“. Ария „Прости, небесное созданье“ не сопровождается никакими антирелигиозными лозунгами. Позор!

◆ Придя домой, вступил в ругательную дискуссию с женой (б. церковной, ныне фактической и другом). Мещанка. Раскладывает пасьянсы. В ссоре испортил швабру, этот нужный прибор для гигиены в жилище.

◆ Провожу снижение цен. Уменьшил взыскания за разбитые стекла и стаканы, поломанные дверные ручки и испорченные замки.

◆ Написал полемическую статью по поводу того, что на пивных бутылках до сих пор красуются царские орлы. Ведь это ж противно! Ведь люди ж пить перестанут!

◆ Для уничтожения волокиты в справочных столах отменил выдачу справок.

◆ Был на диспуте о „Половом вопросе“. Просил в записке истолковать по марксистски фразу: „Невинность соблюсти и капитал приобрести“. Лектор отказался. Протестую против неквалифицированных лекторов.

◆ Купил себе за казенные деньги портфель; написал на случай рабкоровских нападок опровержение в стенгаз.

◆ Прочитав, что грипп усиливается, не пошел на службу. Ведь здоровье ценных работников нам дороже всего.

◆ Говорят, что начальство мной недовольно. Называют фамилию заместителя. Ну и пусть. Уйду я из этого госучреждения и поступлю в конкурирующее, а там на пользу класса—задушу конкурента. Эх, кумовство всюду, склока, го-ло-во-тяп-ство...

Я вижу, дорогой археолог, что ты не доволен моими раскопками. Тебя интересует не только запись, но и имя хозяина блок-нота. Каюсь, нет его: ибо сказано: что в имени тебе моем?

М. КО-АРСКИЙ

МАТЕРИНСТВО И МЛАДЕНЧЕСТВО

В Париже д-ром Вороновым произведен опыт искусственного оплодотворения обе-ьяны от человека.

В скором вр-мени оканчивается период беременности обезьяны и будет известен результат впервые произведенного русским ученым смелого опыта.

Из газет.

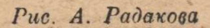

Рис. А. Радакова

— **Ишь ты, как обезьяну ублажают! Вот бы и нашим родильным приютам с'обезьяничать с них!**

БЛОХА

Доктор слушал больного сзаду, сбоку, с другого,
Стукал грудь и ощупывал брюхо,
И разведавши тонко, что больна-де печенка,
„На Кавказ-бы"... промолвил он глухо...

***

Но блоха в это время (вот зловредное племя!)
Укусила врача у ключицы;
Почесать—неприлично, а блоха энергично
Скок-поскок за предел поясницы.

***

Доктор сморщился кисло, бровь сердито нависла,
Чуть не выронил, охнувши, трубку.
И не знаю как—вольно или, может, невольно—
Он назначил больного... в Алупку.

АРГУС

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В стихотворении „Купальщица", помещенном в номере 31-м „Красной Нивы", Ник. Зарудин восклицает:

> Прочь это платье! Скорей
> Тронь этот пруд — где, мелея,
> Темная мгла зеленей,
> Смуглое тело белее.

Мы не поверим Ник. Зарудину: ни мгла, ни тело не мелеют. Мелеют — поэты...

*

Отрывок из очередного фельетона В. Федоровича („Правда" №168):

> Шла Рабия-Хан так твердо, что от ее шага гнулась земля, как в часы землетрясения,— трудно человеку стать смелым в родном кишлаке.

Существуют землетрясения тектонического, вулканического характера.

Вышеприведенное землетрясение — беллетристического характера...

*

В „Красной Газете" (№ 179) читаем:

> В Костроме по приговору суда растрелян начальник станции Буй Окунев, растрелявший свыше 40 тыс. рублей.

Если уж собственный корреспондент „Красной Газеты" так любит „игру слов",— написал бы он, что „нач. ст. Буй Окунев, израсходовавший народные деньги, пущен в расход".

Все-таки, более правдоподобно...

*

По заказу ленинградского Малого оперного театра В. Маяковским написана поэма. Вот что говорит об этой поэме режиссер Н. Смолич:

> Если зрительному залу удастся ловко подсказать текст Маяковского (мы думаем суфлировать в публику текст через посредство замаскированных громкоговорителей), то сам зрительный зал, став активным, разрешит воссозданные в поэме переживания.

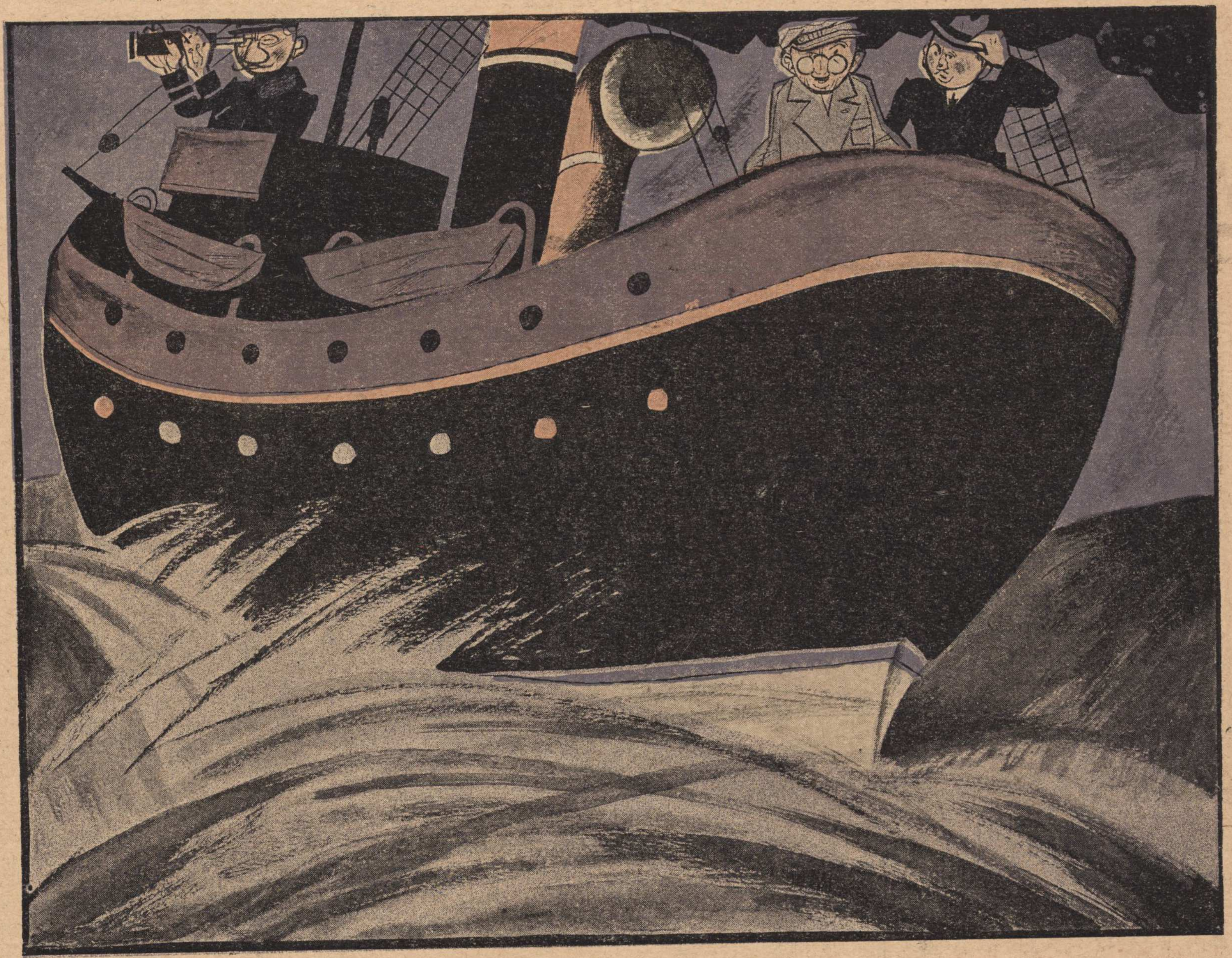
„Бедная публика! Она честно придет в театр, чтобы посмотреть спектакль, а ее заставят выйти из обычного пассивного состояния и сделаться активным участником представления!"— может подумать читатель...

Мы успокоим нашего читателя: заставят публику играть,— она и гонорар потребует!

Актерам-же ленинградского Малого оперного театра придется покупать на этот спектакль билеты...

Рис. Ю. Ганфа

НЕ ПОДКАЧАЕТЕ!

— А вас не слишком качает?
— Нет. Ответственному работнику это не страшно. Меня столько раз на собраниях качали, что я привык.

СПЕЦИАЛИСТ

Я встретил его на бирже труда. Он стоял у какого-то окошечка и плакал.

— Чего вы плачете?— спросил я.

— Как же мне не плакать,—отвечал он,— ежели на десятом году совласти я остался без специальности?

— Т.-е., как это остался без? Если она у вас была раньше, значит, она и сохранилась.

— Чудак! — улыбнулся сквозь слезы незнакомец.— Знайте же, что каждый год нашей власти приносил мне новую специальность. И только теперь я, увы, иссяк. Да. Теперь я похож на обломок старого брига, которому суждено погибнуть в бурном океане жизни.

В 18-м году никто не умел так искусно держаться на крыше жел. дор. вагона, как я. Этим талантом я кормился ровно год, развозя письма „отрезанных" северян к „застрявшим" южанам. За мое „головокружительное" положение на продавленной крыше я получал деньги. Меня ценили больше телеграфа, ибо телеграф в то время был ленив, как крокодил, и быстр, как черепаха.

В 19-м году я сдирал шкуру... О, нет! Я не был мясником.

Я также не был мародером, я был обыкновенным жильцом, кочующим с жилордерами по барским квартирам. И попав в такую квартиру, я моментально срезал кожу со стульев, кресел, диванов и стен. И когда этот бездушный скальп бывал мной весь распродан на обувь, я лез из кожи вон, чтоб получить новый ордер.

В 20-м году я зарабатывал хлеб своими тифами.

Я перенес их три, и, поэтому вши казались мне милыми безделушками. И не боясь их, я ездил за полударовой мукой во все концы СССР, туда, где не ступала ни одна нога здорового ленинградца.

В 21-м году я научился пухнуть и толстеть лучше всех. Вы удивлены? Я об'ясню. Я умел обматываться сотнями аршин ситцу и ткани, не вызывая подозрения у агентов вокзалов, искавших спекулянтов, везущих мануфактуру по селам и весям.

В 22-м году, когда нэп поцеловал мой умный лоб, я стал „прежним человеком" первой величины. Вы не понимаете? Об'ясню: я писал мемуары придворных прихлебатетей быв. царя. Мои лирические, хотя и недостоверные, воспоминания о встречах с властителями того мира раскупались всеми частными издательствами.

В 23-м году я продал первую этикетку с коробки „пастил Вальда" одному разжиревшему нэпману. Опять непонятно? Этикетка шла под большим секретом, как Венецуэльская валюта. В подворотнях и в уборных, вдали от опасного глаза, продавал я свои этикетки разным кретинам, боявшимся задохнуться от избытка нашей, тогда еще скакавшей миллиардной вакханалии. В остальные годы я был тоже изобретателен. А теперь — крышка. Впрочем, — одну минутку...

Неизвестный подбежал к молодому человеку в толстовке, и через секунду я услышал:

— Лева! Ради бога, кем ты тут? Что ты тут делаешь?

— Ах это ты, Боря. Что я делаю? Я заведую отделом.

И они стали шушукаться о чем-то. А потом оба скрылись за стойку. Я посмотрел им вслед...

Да. Напрасно плакал незнакомец, что 27-ой год отнял у него талант. И в этом году он не пропадет. Он гениально нашел себе новую специальность.

Он стал родственником.

И. МАТВЕЕВИЧ

КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Рис. Б. Малаховского

— Иван Алексеевич, распишитесь и вы!
— Я — з втр стом и не привык расписываться после других.

ЮМОРИСТ ФИЗИКЕВИЧ

(Исповедь редактора)

Я знал его еще тогда, когда он добывал хлеб прямым и честным путем — стихами.

В те времена он был милым, застенчивым юношей. Принося в редакцию стихи, он мялся и лепетал что-то насчет метафор. Тогда он сознавал свою вину перед человечеством и старался загладить ее хорошим поведением. Каюсь. Я первый толкнул его на трудный тернистый путь, который...

— Послушайте,—сказал я ему тогда,—неужели вам не надоели стихи?

Он оглянулся. В редакционной комнате, кроме нас, не было никого.

— Надоели,— прошептал он.

— Вот видите. Зачем же вы их пишете?

— А что же мне писать?

„Да ничего, чорт возьми, не писать"! — хотел воскликнуть я, но, посмотрев на большие красные уши поэта, осекся.

— Пишите, знаете ли... гм... Это самое. Понимаете?.. Веселое. Выдумывайте каламбуры... этакие... гм... словообразования...

— Словообразования?—оживился он,—так, так... Понял я вас... А-а-а... скажите, за эти самые словообразования платят?

— Разумеется. Если хорошие. Словообразования.

Глаза поэта загорелись хищным блеском. Он вскочил со стула и, пробежавшись по комнате, выпалил:

— Среднее слово**образование** или высшее? Я скоро слово**образуюсь** и, если ты, слово**образина**, мне не веришь, я тебя живо слово**обраₓумлю**...

— Талант! Положительно талант! — сказал я, слегка опешив от неожиданного перехода „на ты".

С поэтом делалось что-то странное. Он носился по комнате, переворачивая мебель и дергая руками, как веревочный паяц.

— Вот. Слушай,— сказал он наконец.

> — Совет редактора — заданье.
> Добьюсь победного венца.
> Я здесь словообразованье
> Сказал для слово**образца**.

Бейте меня! Я дал ему по рублю за строчку. Получая деньги, он вяло сказал:

— За ажурную строчку гони деньги на бочку.

Когда он ушел, я тяжело задумался.

* * *

Он начинал мне тихо надоедать. Отношения наши постепенно стали приобретать температуру северного полюса.

— Дай р-р-ргав, гав, **гаванс**! — сказал он устало.

Я развел руками.

— Денег нет.

— Р-редактор! Не ври, д'актор! А то ты принесешь мне вред, актор!

— Вы состоите поэтом?

— Поэтом.

— **Поэтому** я не дам вам денег,— с'острил я, на всякий случай отодвигая подальше тяжелое пресс-папье.

— Остришь? Остри.

Он махнул рукой и безо всякого воодушевления добавил:

— Ос**тридцать** рублей гони.

— Что нового? — осторожно спросил я,— пишете?

— Пишу. Пью коньяк пи**Шустова**. Написал про Пуанкаре. Хочешь? Вот.

> — Собрав войска свои в каре
> И прицепивши танк к штиблету,
> Кричит бандит Пуанкаре:
> — Карету мне, пуан**карету**!

— Нравится?

— Гм... Не актуально.

— Значит, дело **табактуально**. Так... Понял я вас. Может, хочешь про Ллойд-Джоржа? Например,—целлу**ллойдджоржик**... Или про Чембр**ленские** прииски, то бишь, происки... Или...

— Я спешу на заседание.

— Засе**либердание**...

— Вы мне надоели!

— **Канада**ели, в канаде ели. **надо**-**елименты** платить. Плати елименты, редактор!

— Пустите меня, ч-чорт, я позову милицию.

— Ваше ми**лицо** мне **знаркомо**...

— Вон!!! — гаркнул я.

Он захохотал.

— Теле**вон**, ха-ха-ха, пикса**вон**, ха-ха, Джойс**вон** Хикс, хи-хикс, хи-хи-хи-хикс, **хигрек**, **хизет**, **хиклозет**... хо-хо-хо...

* * *

Я не видел его года два. Говорили, что он стал пить и оскорблять знакомых. Его несколько раз били за неприличные извращения чужих фамилий. Жена убежала от него к какому-то помощнику прокурора. Он крикнул ей вдогонку:

> — Жена бежала к прокурору,
> Но прокурор не будет впрок.
> И не найдя в нем проко**пору**,
> Она получит проку**рок**.

Передавали, что обиженный прокурор возбудил против него уголовное преследование по обвинению в физическом и психическом насилии над русской грамматикой.

* * *

Последняя наша встреча произошла на вокзале. Был январь. Мороз достигал 30 градусов.

Он шел по платформе в сопровождении плечистого малого в дворницком фартуке с бляхой. Он был без пальто, в аккуратно выглаженном костюме. Галстука и шляпы не было. К ворсу пиджака прилипла большая соломинка.

— А я на дачу! — воскликнул он широко, по детски, улыбаясь.

— Ну, что вы, милый, — сказал я, пожимая его холодную вялую руку,— какая может быть дача в январе месяце?..

— Они-с на Канатчикову дачу,— почтительно сообщил детина в фартуке.

— Ну да. В Канаду. На **Канад**чикову дачу, Шпагатчикову незадачу, неудачу, удачу...

— Идем, что ли! — сказал детина.

— Не пойду-у-у!!! Не пой**дуплетом** в угол!..— Р-р-р-нга, нга...

Поэта стали вязать.

— Я изобрел Сатурн!!! — крикнул он, отбиваясь изо всех сил.

— Не плюйте в са**турну**!..

* * *

Больше я его не видел.

ИНОСТРАНЕЦ ФЕДОРОВ

ТО И СЕ

◆ Естественно, что **усушка** чаще всего наблюдается на **тепленьком** местечке.

◆ Закрыв пивную и сделав из пивной клуб с пивом,— не называй это достижением.

◆ Не внося членские взносы по пяти-шести месяцев, не воображай, что это — сокращение расходов.

◆ Завкоопу, который **относит** к себе домой свертки с продуктами, не резонно оправдываться: „все на свете **относительно**".

Н. К.

Копий не жалеть

Нам доставлен следующий документ:

Дагестанский ССС
Центральный Комитет Советов
Раб. Крест. Красн. и Каз. Депутат.
СЕКРЕТАРИАТ
№ 80/С

СРОЧНО. СЕКРЕТНО.

Управление Махач-Калинской Окрмилиции.

КОПИИ: ПРЕЗИДИУМ ГОРСОВЕТА, ПОМПРОКУРОРУ, ПО МАХАЧ-КАЛИНСКОМУ РАЙОНУ и НКЗДРАВ.

Прошу выслать сегодня же милиционера в дом № 3 по Милионной улице для составления протокола об антисанитарном состоянии у орной во дворе этого-же дома, привлечения виновн х к ответственности за халатное отношение к анти анитарному состоянию во дворе, ГДЕ ПОМЕЩАЕТСЯ МОЯ КВАРТИРА, и на халатное отношение к моим неоднократным сообщениям об этом Местхозу

Наркомздраву необходимо выяснить, каково же состояние санитарии по городу вообще, ЕСЛИ ВО ДВОРЕ СЕКРЕТАРЯ ЦИК НАБЛЮДАЕТСя ПОДОБНОЕ.

КОПИЮ ПРОТОКОЛА ПРЕДСТАВИТЬ В СЕКРЕТАРИАТ ДЦИК.

Секретарь ЦИК'а ТЫМЧУК.

С подли-ным верно:
Секретарь (подпись).

Приняли-ли какие либо меры для приведения в порядок уборной секретаря ДЦИК'а Махач-Калинская Окрмилиция, Президиум Совета, Помпрокурор и Наркомздрав, которым срочно в секретном порядке секретарь Д ИК'а сообщил о невозможности исполнять свои естественные обязанности?

Тайна факира

В город Хмелев Роменского округа прибыл профессор черной и белой магии Юлиан Колода и расклеил на всех городских заборах афиши:

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ ФАКИРОВ
Маэстро Юлиан Колода в присутствии почтенной аудитории будет совершенно безболезненно сдирать кожу с любого желающего.

— Кто желает, чтобы содрать шкуру? — обратился к публике профессор.

Желающих не оказалось. Тогда Юлиан Колода, заявив, что сеанс сдирания кожи не состоялся по вине публики, раскланялся и уехал.

Только после его от'езда публика вероятно сообразила, что в действительности обещанный опыт был произведен, ибо профессор черной и белой магии все-же содрал шкуру с хмелевских скептиков: сбор был битковой и денег Юлиан Колода увез много.

Шляпа

Полку шапочных знакомых „Смехача" прибыло. В список последних настоящим заносится продавец шапок Бакинского ЦРК гр. Аматуни.

— Дайте мне вот такую фуражку,— обращается к гр. Аматуни покупатель.

Гр-н Аматуни подает совершенно другую.

— Берите, что вам дают. Оставьте ваши буржуазные требования!..

Мы также против буржуазных требований и наше пролетарское требование, чтобы на ряду с прочими гражданами гр. Аматуни получил... по шапке.

Берите, гражданин Аматуни, что вам дают.

В ПОИСКАХ ТИШИНЫ и ПОКОЯ

Вводится вызов дачников к телефону вне зависимости от расстояния специальными нарочными.

— Неужели и здесь меня найдут.

Со ступеньки на ступеньку

Одесса всегда была самой добросовестной поставщицей не ожиданных анекдотов.

Одесский Комунотдел построил грандиозную в двести ступенек лестницу и приморского парка в порт. По окончании постройки выяснилось, что лестница совершенно не нужна и только дает возможность проникать на территорию порта всяким подозрительным элементам.

Постановлено:
— Вновь открытую лестницу... ЗАСЫПАТЬ ЗЕМЛЕЙ.

Следовало бы опубликовать имена Комунотдельских жертв, „засыпавшихся" вместе с этой лестницей!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Лубны—Кучеру.

Две гитары, третий бубен,
Со шпаной гулять не будем...
Эх раз, еще раз...

Эх раз, еще раз и в третий раз просим вас не утруждать почтальона доставкой стихов.

Две гитары, третий бубен...
Не люблю стихов из Лубен!

Кинешма — Грустному.

И этот шлет нам романс:

Две гитары за стеной жалобно заныли.
Кто-то свиснул кошелек.—
Миленький, не ты-ли?

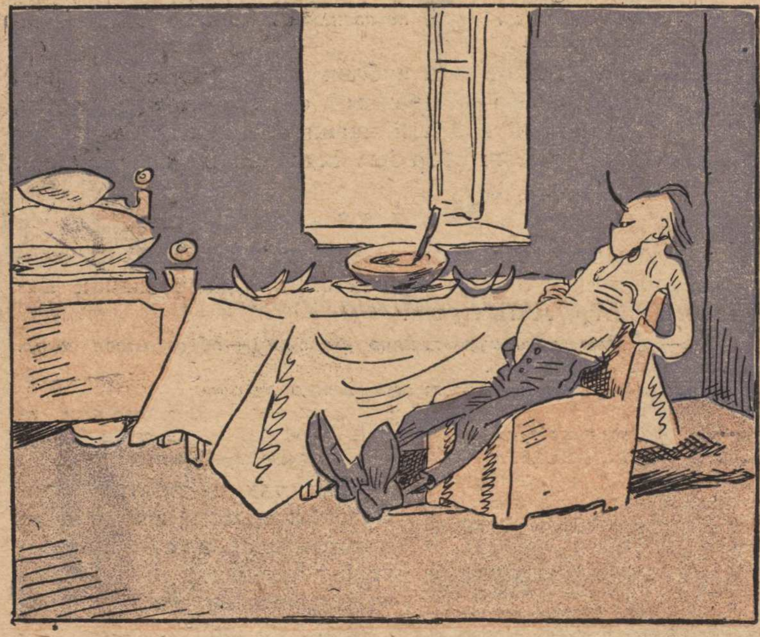
Ваш чувствительный романс с подозрениями по адресу миленького в краже кошелька направьте в уголовный розыск—быть может, там найдутся ценители вашей поэзии.

Издатель — „ГУДОК" Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № 94.154. Типо-хромо-литография „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., д. 11. Тираж 110.000 экз.

ПОСЛЕ ДЫНИ В БЕРЛИНЕ

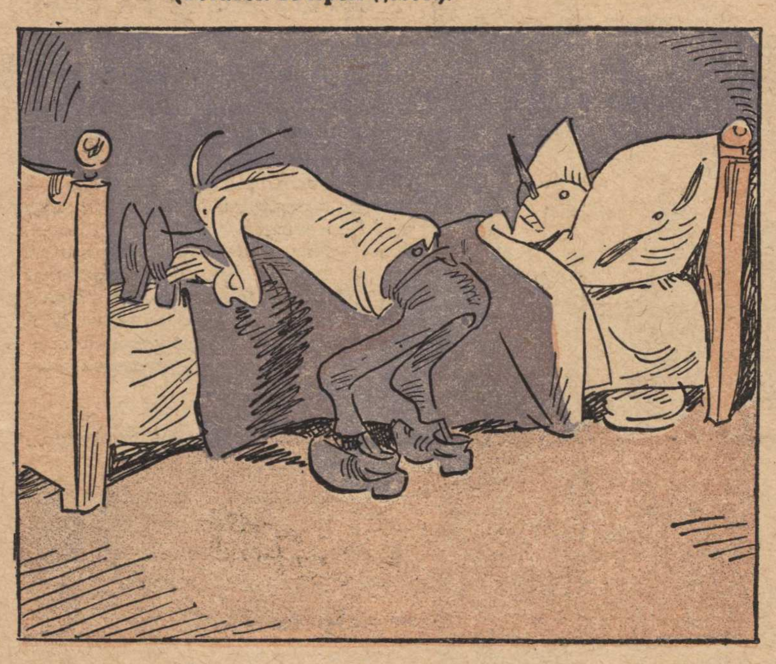
Рис. Б. Антоновского — *Текст Ив. Пруткова*

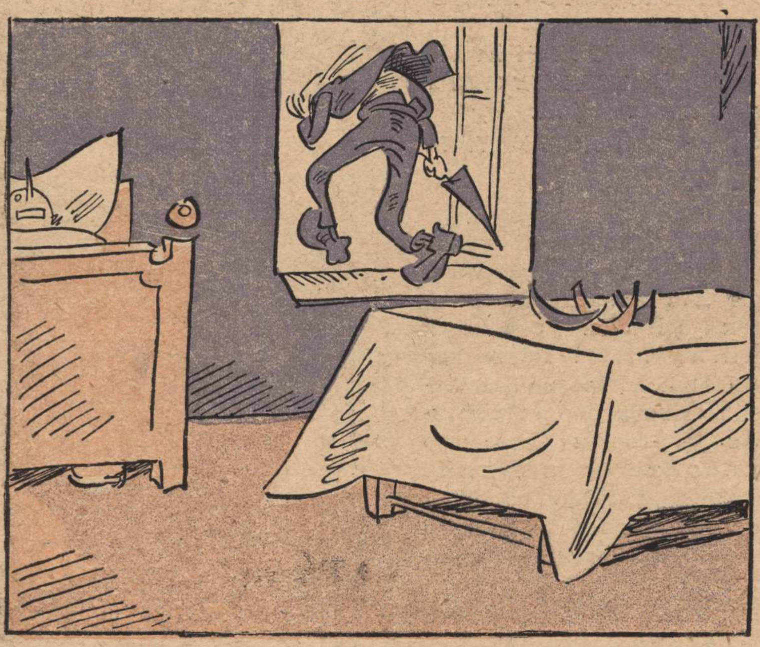
1. Взбрело Евлампию в Берлине
Покушать туркестанской дыни.
Две трети с'ел в один присест.
(Остаток вечером доест!).

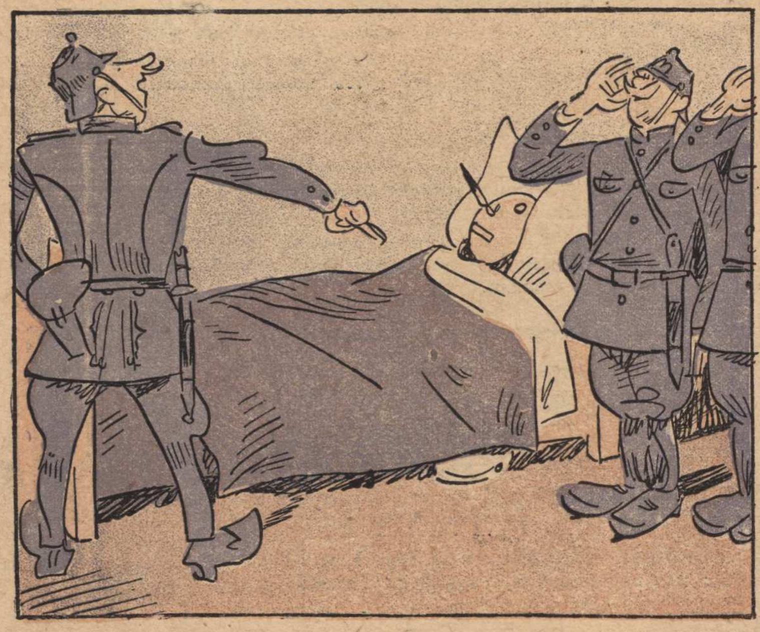
2. Вдруг... дверь открылась осторожно,
И кельнер Фриц шепнул тревожно:
— „Гер Надькинд!.. Прячьтесь под кровать
Там ищут вас... арестовать..."

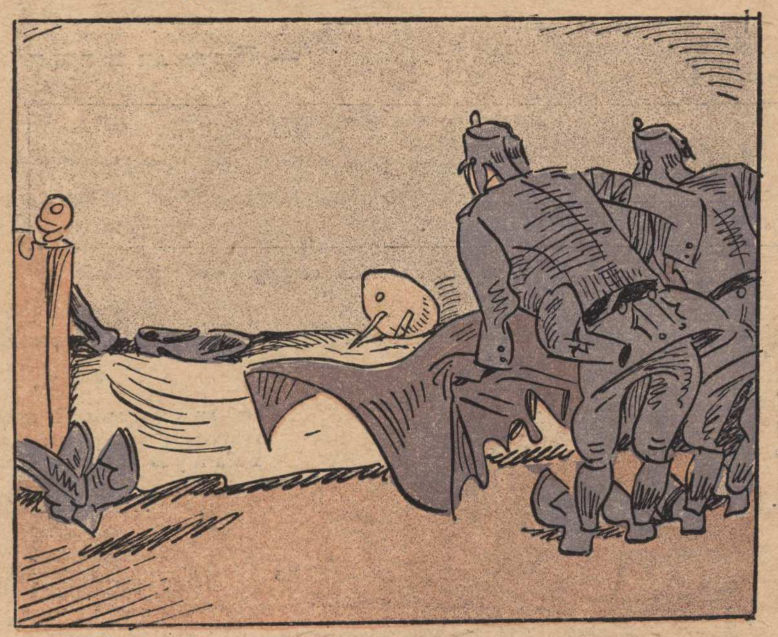
3. Герою дорога свобода —
Жандармского не терпит сброда!
И мигом хитрый план возник:
— „Глаза им отведет двойник!"

4 Две туфли... дыня... В роли ж носа —
Фруктовый ножик всажен косо...
Состряпав резво двойника,
Герой — в окошко! — „Ну, пока!"

5. Жандармы бомбами влетели.
— „Зер гут! Преступник здесь, в постели!"
Начальник отдает приказ:
— „Ар-рестовать его тотчас!"

6 Какой конфуз' Какая жалость!
Как мало от врага осталось:
Туфлишки, нож и дыни треть...
Нельзя без ужаса смотреть!..